

«Я ВСЕГДА ПИСАЛА ТО, ЧТО ХОТЕЛА»

народная газета. — Душанбе. — 1992. — 8 янв.

Живет поэтесса Белла Ахмадулина в Москве «среди больших картин и потолков высоких» — так один поэт описал ее квартиру в доме на прилегающей к Новому Арбату улице Воробьёвского. Квартира не изменилась за те несколько лет, которые я в ней не появлялся. У хозяйки тот же печально-острый взгляд, тот же порывистый голос. В разговоре о поэзии, который мы вели, нельзя было не коснуться того, о чем сейчас думают и спорят.

— Говорят, что нынче снизился интерес к стихам. Сдали свои позиции поэты. Читатель больше тянется к газетным статьям. Разделяете ли вы подобное утверждение?

— Не думаю, что утратился интерес к поэзии. Мне кажется, публика стала много тоньше. Не обязательно собираться на стадионах, чтобы слушать стихи. Когда-то такое было, я тоже выступала в Лужниках перед тысячной аудиторией. Но это была дань времени. Истинный поэт — всегда поэт. Он не может перестраиваться, он может только меняться. Вот мы с вами последний раз встречались лет пять назад. Мне кажется, я изменилась с тех пор к лучшему. Впрочем, пусть судит читатель.

— Еще недавно литераторы жаловались, что на многие темы наложено табу. Сейчас запреты сняты. Нет ли растерянности?

— Я всегда писала то, что хотела. Для меня никогда не существовало запретных тем. Сейчас меня много печатают, раньше почти все отвергали, но не сильно я огорчалась. Теперь радуюсь за других, выход настоящей литературы к читателю — благо. И это обязательно скажется на жизни людей, на их духовности. Очень хочется, чтобы и жизнь, и литература изменились к лучшему.

Возвращаясь к вашему вопросу, скажу, что растерянности не ощущаю. Конъюнктурой никогда не интересовалась, поэтому мне не стало ни легче, ни труднее. Литература — не погода, которая меняется от направления ветра. В ней действуют вечные законы, существующие в истину и вечные темы. Настоящий писатель, независимо от национальной принадлежности, верен долгу, своей совести и никогда не думает о выгоде, не подстраивается под время —

он его отражает и выражает.

— Что вы думаете о сложной ситуации в писательской среде?

— Как человек, который желает блага своим соотечественникам, я искренне надеюсь на прекращение конфронтации, на согласие литераторов разных направлений. Я имею счастье знать и любить только тех писателей, которые ни с кем не сводили счетов, радовались успехам и славе своих коллег. Один из них — мой обожаемый друг Андрей Битов. Он — и счеты, он — и корысть? Несовместимо. Радуюсь, что у него сейчас много опубликовано, достаточно назвать роман «Пушкинский дом». Битов — украшение русской литературы, равно как и мои добрые друзья — Олег Чухонцев, Александр Кушнер.

— Вы пишете песни, прозу. Не ждет ли читателей еще какой-нибудь сюрприз?

— Вы сказали песни, а я их специально никогда не писала: не умею, хотя желала бы. Песни появляются, потому что композиторы берут мои стихи и придумывают к ним музыку. Это их право, я не вольна что-то изменить, да и не хочу. Пусть все будет, как есть. Что касается жанров — вдруг размечаюсь и наплету какому-нибудь цирковому артисту, что напишу для него репризу или что-то в этом духе. И поначалу сама верю, что смогу. Но не всегда получается. Считаю, что занятие прозой есть доказательство высочайшей зрелости. К прозе того подходит раньше, кто-то позже. Иногда чувствую непреодолимую тягу в ней, есть мысли и чувства, которые можно воплотить только в прозе. Но чего-то мне недостает, видимо, есть какой-то изъян, который мешает стать прозаиком. Впрочем, кое-что написала, но все очень сыро, нужно править, а я не могу прикоснуться к рукописи — в ней не отражен мой сегодняшний дух.

Что касается стихов, они не пишутся, а возникают. Шли мы как-то по берегу моря с прекрасным поэтом Александром Кушнером. Он сказал — посмотрю на волны, и рождается стихотворение. Я всегда восхищалась поэзией Кушнера, но мне мало посмотреть на что-то, чтобы написать. Мне нужно уединение, необходимо уехать из Москвы, туда, где другая жизнь.

Много писалось в удивительной Тарусе, в Карелии, в Вологодской области. Но дело не в каких-то определенных местах. Наверное, в смене образа жизни, окружения. Поживешь где-то в глуши дней десять, и вдруг отыскивается нужное слово. И тогда пишется и пишется. Я могу работать и день и ночь без перерыва, пока не затихнет звук, возникший в душе.

— Мысль или чувство вы бы поставили на первое место в творчестве?

— Я бы ответила так: нужно, чтобы мысль и чувство совпадали. Но если начнешь с мысли, то ошибешься. Мысль должна стать итогом. Меня не раз подстерегала неудача, когда я шла на поводу у мысли.

— Что вам как поэту дают живопись, театр, кино?

— Почему — как поэту? Нормальный человек не может жить без искусства. Я — тоже. Однако назвать себя завсегдатаем театра не смею, хотя иногда он сильно волнует. С кино не очень близка. Один Феллини родимый для меня. Его фильмы потрясают. Не как зрелище, нет. Плачешь, а потом думаешь — почему? Феллини сердце разрывает во имя человечества. Ленты быстро стареют: что недавно казалось вещам, сегодня уже не живет. Феллини же вечен. По крайней мере, для меня.

— Всегда ли вы помните, что вы поэт? Способны ли сохранить непосредственность в восприятии природы? Легко ли вам общаться с людьми?

— Я стараюсь никогда не думать, что я поэт. Я просто живой человек. Но замечаю — по степени моих мучений, по остроте восприятия окружающего, — что принадлежу к этой трудной профессии. О причастности к литературе говорит и трепетное отношение к чистому листу бумаги. Он страшит и радует, к нему стремлюсь и боюсь. Повторяю, что о своем призвании поэт не думаю. И ничто не мешает общению с разными людьми, которыми горжусь. И все же чувство долга, обязанность запечатлеть в слове мгновения бытия — всегда со мной.

— Вы бывали в США, посетили известные университеты. Как там относятся к нашей литературе?

— Прекрасно. У студентов есть все условия для получения достоверной и обширной инфор-

мации. В Гарвардском университете мне показали множество компьютеров, без которых в Америке не обходится ни один студент. Я честно призналась, что абсолютно не разбираюсь с этой мудреной техникой. «Назовите фамилию любого русского поэта», — попросили меня. «Ахматова», — ответила я. Молодой человек нажал на кнопку, и через несколько секунд на световом экранчике появился перечень книг Ахматовой, которые можно получить в университетской библиотеке. Если чего-то нет в абонементе, то можно выписать из другого города. Интерес к нашей литературе у американцев огромный. Студенты — слависты начитанны, серьезно и глубоко изучают творчество русских писателей. И судя по тому, что на мои поэтические вечера приходило много народу, американцы хотят знать о нас больше, пристально следят за развитием нашей культуры.

— Встречались ли вы с представителями русского зарубежья, как вы к ним относитесь?

— Конечно, встречалась — и с Василием Аксеновым и с Владимиром Войновичем, с другими. Они — мои друзья, а от друзей не отрекаются. То, что многие оказались «за бугром» — их беда, а не вина...

— Раньше не часто, но можно было видеть ваши стихи в «толстых» журналах. А книги выходили крайне редко. Изменилось ли положение теперь?

— До 1985 года далеко не все редакторы меня печатали. А я свои стихи никогда никому не навязывала. Сейчас у меня много публикаций — газетных, журнальных, вышло три книги...

...

Многоотчием я и закончу наш разговор с известной поэтессой. Потому что пока будет жизнь, людям будет нужна поэзия. Думаю, что отношение к творчеству и характер «своейравной Беллы» видны из ее высказываний. Добавлю только слова знаменитого поэта Павла Антокольского: «Ахмадулина прежде всего внутри истории, внутри необратимого исторического потока, связывающего каждого из нас с прошлым и будущим».